

В начале каждого раздора желание определить врага выражается в стремлении очернить его, в общем и целом: заклеить каким-нибудь скверным словом — собирательным именем, использующимся как оскорбительное прозвище. По принципу метонимии, снижающего риторического тропа, символическим значением наделяется какая-либо выразительная деталь, и к ней сводится образ врага, подлежащего унижению и уничтожению. По мере роста разногласий либеральное меньшинство окрестило лояльное большинство, поддерживающее президента, путинским быдлом. А для выразительности было введено презрительное прозвище: ватники. Население страны в таком ракурсе представляется как серая масса хмурых людей, живущих скудно и одетых бедно. Так судят о народе те, кто мыслит себя вне народа. Они как бы другие. Не такие, как эти.

У противоборствующих политических элит, правящей и протестной, есть одно общее свойство: чувство собственного превосходства. Большей частью никак и ничем не оправданное. Для обозначения неважных людей, напускающих на себя важность, в блатном жаргоне есть точное слово: пиджаки. Если принять его как рабочий термин, обозначится бинарная оппозиция, создающая опасное социальное напряжение в нашей как бы демократической системе.

Высокомерное отношение пиджаков к ватникам напоминает прежнее презрение сюртуков к армякам, взрастившее в народе ответную ненависть. Чем всё кончилось? Большой бедой... Россия разделилась в себе: с одной стороны — ликующие и праздно болтающие, с другой — униженные и оскорблённые. Выяснение отношений началось в 1917 году и, кажется, всё не кончилось до сегодняшнего дня.

В напряжённой обстановке, сложившейся в нашем обществе в связи с осложнением геополитического контекста, условное деление людей на пиджаков и ватников расширяет и углубляет гражданское отчуждение. Коррупция, то есть — порча, поразившая социально-экономическую среду, тихой сапой проникает в идейно-нравственную сферу.

С глубиной древности до наших дней о статусе человека в обществе свидетельствует его

одежда. Когда один троглодит прятал срам под фиговым листком, а другой оборачивал чресла медвежьей шкурой, сразу было видно, кто круче — кто и как будет делить валовой продукт в виде добытого мамонта. Дело, конечно, давнее... но разве сегодня иначе? Когда в житейской суете ненароком встречаются человек в мундире и человек в спецовке, ежу ясно, кто есть кто.

Намеренно упрощая сложность социальных процессов, трудовую деятельность как таковую можно распределить по двум основным видам: работа и служба. Соответственно можно обозначить специфику, выраженную в одежде: роба и мундир. Рабочая одежда не более чем облачение тела, в то время как униформа — представление статуса. В роли мундира может быть всё, что утверждено для обязательного ношения в официальной обстановке: китель, пиджак, смокинг, фрак. А рабочей одеждой может стать всё что угодно — вплоть до мундира, лишённого знаков различия.

Мундир (униформа) — костюм, выражающий социальную функцию его носителя; структура мундира — семантика: каждая деталь имеет своё значение. Роба (спецовка) — одежда, чья формальность сведена к минимуму; принцип пошива — прагматика: чтобы всё было дешево и удобно.

Вицмундир, в отличие от прочего гардероба, нельзя просто заказать у портного — его надо

выслужить. От царя Гороха до нынешних дней особо важная персона (VIP) — это не просто личность, а лицо при мундире. В особо показательных случаях весь престиж сводится к имиджу. Стоит вспомнить дорогого Леонида Ильича в маршальском кителе... Парадный мундир — экстерьер карьеры, предъявленный на всеобщее обозрение, свидетельство успеха на ярмарке тщеславия. В наше время наглядным доказательством принадлежности индивида к элите общества является номенклатурный дресскод: фирменный костюм выступает как форменный мундир. Хотя роскошный вид чиновника вызывает подозрения... как язвили в старину, — салоп на меху, а рыльце в пуху.

Мятеж духа против буквы часто выражался как бунт исключений против правил. В истории культуры первыми протестантами стали античные киники; самый знаменитый из них, Диоген Синопский, устроил себе жилище в бочке и оделся в рубище. Другой образец радикального инакомыслия, представленного наглядно, являет образ Льва Толстого: подвижник духа в посконной рубахе и мужицком зипуне — икона сурового стиля, в коем предметом веры является сермяжная правда. Подражая ему, многочисленные последователи сделали своей униформой толстовку — хитро скроенный компромисс между пиджаком и

ватником. От всего толстовства только она и осталась...

Последнее в истории массовое явление духовного бунтарства — движение хиппи. Дети-цветы (как их прозвали в прессе), яркие сорняки райского сада, ввели в мировой обиход синие джинсы (простые порты из крашеной сермяги), прежде бывшие рабочей одеждой. Увы, бунт против буржуазного образа жизни очень скоро стал модным трендом потребительского общества. Дранные джинсы престижных брендов, ценой в хорошую шубу, знаменуют торжество потребительства над бунтарством.

Советская интеллигенция в значительной и значимой её части далеко от народа никогда не отходила; пожалуй, среди достойных представителей образованного сословия не найти такого, кому не приходился бы по плечу обыкновенный ватник. Примеров тьма — от Лихачёва и Солженицына до Ростроповича и Шевчука.

Чтобы удостовериться в изначальной принадлежности Иосифа Бродского к отечественной традиции, достаточно сопоставить две его фотографии — в ватнике (в деревне Норенской, в ссылке) и во фраке (в Стокгольме, на нобелевской церемонии). На первой он стоит вольно и вольготно, на второй позирует напряжённо и неловко. Очевидно, что в своей среде ему быть естественнее, чем в избранном обществе. Чувство причастности

к общей действительности, обретенное и осознанное в северной ссылке, Бродский несколько раз (поскольку для него это было важно) высказывал в интервью. «Возникло что-то более важное, более глубокое, что наложило отпечаток на всю мою жизнь: выходишь рано, в шесть утра, в поле на работу, в час, когда восходит солнце, и чувствуешь, что так же поступают миллионы и миллионы человеческих существ. И тогда ты постигаешь смысл народной жизни, смысл, я бы сказал, человеческой солидарности» (Интервью Дж. Буттафава; 1987).

Кому не знакомо это щемящее чувство, тот ничего не поймёт в русской ментальности, и ещё меньше в российской действительности. Пока тёплое нутро собственного ватника не пропитается терпким запахом пота и горьким дымом отечества, нечего ничтоже сумняшеся судить о нашей жизни...

Поэтика ватника возникла не на пустом месте. У этого предмета одежды есть своя история. Нечто в этом роде входило в экипировку византийской пехоты. С другой стороны Евразии удобную куртку на вате разработали и внедрили в массовое производство китайцы. Этот прагматичный вариант лёг в основу отечественного проекта. Осенью 1932 года комитет по стандартизации Наркомата лёгкой промышленности СССР утверждает эталон ватника: телогрейка — куртка

ватная однобортная, прямого покроя, застёгивается по борту доверху на 4 пуговицы имеющимися в левом борте четырьмя пришитыми петлями (шлевками). В конструкцию швейного изделия № 1 было заложено универсальное решение: ватник — прожиточный минимум верхней одежды, рассчитанный на неблагоприятные условия проживания. В человеке, чьё место в жизни немногим больше объёма его тела, телогрейка порождает чувство приватности и поддерживает чувство общности: что внутри — моё собственное; всё, что снаружи — общее на всех. Будь то зима, будь то война.

Контекстом ватника была суровая действительность. Лагерная телогрейка стала спецодеждой многомиллионного контингента з/к. Потом — всепогодной одежкой колхозника, сменив в этом жанре крестьянский zipун. Война проверила телогрейку на пригодность к экстремальным обстоятельствам, и она успешно прошла это испытание — и в тылу, и на фронте. Далее — везде. Едва ли не поголовно одетые в ватники, советские люди поднимали страну из разрухи. И ведь подняли! И ещё как высоко — на околоземную орбиту. Смешно, конечно, — но мне кажется, что на всякий нештатный случай первый космонавт под скафандр поддел телогрейку...

Многими из тех, кто теперь одевается по дресс-коду, бывшая солидарность людей в затрапезных

телогрейках поминается с неясным ностальгическим чувством... Так взрослый человек, которому живётся сложно и трудно, вспоминает деревенское детство или дворовое содружество. Что-то с нами произошло, и что-то в нас исчезло. Социализм как общественный строй погубило презрение тех, кто, выбившись в начальники, сменил свой ватник на драповое пальто с каракулевым воротником, к тем, кто остался в чём был. О, эта страсть нуворишей к показной роскоши! Угроза существующей системе — в нарастающей разности интересов тех, кто одевается от Giorgio Armani, и тех, кто донашивает чужие шмотки из second hand. Трудно представить, что в холодные времена, грядущие в наши палестины, те и другие смогут сплотиться, чтобы согреться.

Парадокс социальности в том, что мундир, наделённый атрибутами власти, подчиняет личность человека его функции, а роба, обезличивая своего носителя, в то же время освобождает его от подчинённости государственным ритуалам. Человек в ватнике свободнее, чем человек в мундире. Проверено на себе: по осознанной необходимости облачаясь в строгий костюм, я чувствовал себя связанным обязательством держать фасон — и, напротив, никогда я не чувствовал себя так вольготно, как по той или иной нужде надевая непритязательный ватник. А нужды в нём по прежней жизни хватало...

Будучи нашим человеком (сначала советским, потом непонятно каким), за годы своей трудовой и общественной деятельности я сносил четыре ватника.

Первый ватник я истаскал в ранней юности, когда работал грузчиком на Болховском ремонтно-механическом заводе; тот рваный ватник, промасленный до блеска и затёртый до глянца, я научился носить с пролетарским шиком...

Второй ватник я получил в пользование в ротной каптёрке, когда исполнял воинскую обязанность по охране секретного объекта в приморской тайге; то были дни, когда я познал сполна, сколько спасительного тепла даёт ватник, надетый под плащ-палатку: однажды под зимним дождём постовой плащ превратился в ледяной покров, и если бы не форменная телогрейка, урочный час до смены мог стать последним часом...

Третий ватник верой и правдой служил мне уже на гражданке. Много лет (вернее — много осеней) как сознательный горожанин я по заданию партии и правительства оказывал шефскую помощь селу: каждый сентябрь гнул спину на распаханых бороздах картофельного поля; старая телогрейка удобно прилегала к усталому телу... Я вдыхал зыбкий воздух, пыльный и дымный, и радовался затяжным дождям, предвещающим возвращение к своей работе и облачение в потёртый пиджак...

Четвёртый ватник я носил в краеведческом музее в годы затянувшегося ремонта; во время реконструкции здания музея служебные помещения две зимы простояли без отопления; высиживая служебные часы в холодном кабинете, пришлось сменить старый пиджак на новый ватник, — не престижно, конечно, зато практично; как я потом узнал, по модным понятиям такой стиль одежды называется casual (повседневный).

В наше время, во многом радикально переменившее бытовую проблематику, ватник практически вышел из обихода. Но семантика одежды продолжает выражать символическую структуру стратифицированного общества, где люди друг друга встречают по одежке — и одетого не по дресс-коду выпроваживают из замкнутого круга своих людей. Административного регламента для повседневной одежды в стране нет, — но сословный антагонизм остался. Престиж человека — его имидж.

Тусклого цвета куртка на синтепоне, которую я ношу в холодное время года, по своему конструктивному крою суть та же телогрейка, только модернизированная. Вещь ноская, но не броская. Когда мне случается присутствовать на статусных мероприятиях, я едва ли не въяве вижу, как в служебном гардеробе дорогое кашемировое пальто всем своим модным брендом стремится отстраниться от моего

поношенного зипуна, висящего одесную, и прижаться к норковой шубке, повешенной ошую. Ладно (думаю я), — жизнь полна неожиданностей... Может, в плане борьбы с коррупцией для владельца этого шикарного лапсердака уже шьют лагерьный бушлат. А у меня, коли всё так сложится, глядишь, будет подходящий случай достать из забвения свой праздничный костюм. Скажем, на торжественное собрание общественности, посвящённое Дню солидарности трудящихся. Трудящихся в широком смысле слова — работающих на общее благо и служащих своему отечеству.

Вот только доживёт ли до того светлого дня мой парадный пиджак, или будет до подкладки съеден молью — загадывать не берусь...

2

Тема, ставшая предметом рассуждений в предыдущей части эссе — семантика одежды, отражающая социальное расслоение общества — в процессе прояснения сосредоточилась на одних содержательных моментах, оставляя в стороне другие, по-своему интересные, возможности высказывания. В суждениях, не нашедших места в тексте, остались мысли, с которыми автору жалко расставаться. Отслоившиеся от основного текста абзацы, собранные вместе, сложились в некое продолжение — приложение,

в котором нет особой нужды, но интерес к затронутому вопросу находит дополнительный материал. Вроде о том же, но не то же самое. Так уходящий гость, наскучивший хозяевам, договаривает в дверях то, что упустил или умолчал в ходе застольного разговора.

Как установлено в христианской традиции, необходимость человека в облачении тела обусловлена его греховностью. Нарушив запрет на знание добра и зла, Адам и Ева устыдились своей наготы и прикрыли срамные части своего тела фиговыми листками (сшили смоковые листья и сделали себе опоясания). Ибо в момент истины им открылась неприглядная правда об их животной природе, и они восхотели сокрыть её...

Однако ни один из художников, изображавших изгнание из рая, не обратил внимания на то, что по свидетельству первоисточника, Бог не дал людям уйти в земную жизнь в таком непотребном виде. И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их (Бытие: 3; 21). Таким образом, первым кутюрье в истории стал Бог Ветхого Завета. Представляю, чего бы только не отдали современные дизайнеры, чтобы выznать божественную идею одежды в её исходном виде!

Впрочем, если бы это кому удалось, был бы разочарован. Мне кажется, что прообраз одежды по крою и шитью был

ближе к ватнику, чем к пиджаку (жакету). Ибо райская жизнь для Адама и Евы была позади. На земном попроще им предстояла трудовая деятельность: работа в поте лица своего...

В истории цивилизации манера одеваться выработана опытом практических решений и регламентирована системой словесных отношений. Семантика одежды во все времена имела огромное значение в социальной ориентации. Соблазн выглядеть неодолим для тщеславного мышления: кто полагает, что он достойнее прочих, своё достоинство норовит выставить наружу. Злые языки язвили вслед раздетому вельможе: ему дьявол чванством кафтан подстегал. И наоборот — стремление к нравственному самосовершенствованию сопровождалось отказом от излишеств в одежде.

В классической античности облачением личного достоинства в значении римского гражданства была парадная тога. Но в торжественном одеянии, требующем от носителя сдержанного поведения, особо не разгуляешься. В повседневной жизни верхней одеждой свободных граждан был гиматий, — шерстяной плащ особого покроя. В то время как солдаты и путешественники носили хламиду — тот же плащ, но проще по крою, плотнее и прочнее. В первом было больше понта, а от второго больше проку.

С какого-то времени хламида стала излюбленной одеждой

философов, — системной особенностью, выделявшей их из сограждан. Наверное, в пристрастии к этой непритязательной одежде было нечто нарочитое, — отчего в наш речевой обиход понятие «хламиды» вошло в переносном значении — с насмешливым смыслом.

Великий пролетарский писатель Максим Горький начинал литературную деятельность под псевдонимом Иегудиил Хламида; насмешник в роли проповедника, войдя в роль идейного предводителя российских босяков, стал основоположником социалистического реализма.

Плащ философа со временем стал образным выражением независимости мысли от прописи, — как в иные времена униформой инаковости становились другие виды одежды — блузы художников, джинсы битников, твидовые пиджаки левых интеллектуалов. Хотя, скажем, такой авторитетный мыслитель, как Гегель, осуждал в умных людях склонность выделяться из окружающей среды. Сам профессор одевался соответственно статусу, утверждая, что философ не должен отличаться покроем пиджака.

Утверждение категоричное, но верное. И более того. Если довести эту мысль до логического конца... в определённых исторических обстоятельствах, когда вечные вопросы решают идеологи, лагерная телогрейка лучшая одежда для истинного философа, чем учёная мантия.

В отечественной истории такое уже было. Русский экзистенциализм, в отличие от французского и немецкого, был лишён возможности самовольно решать проблему выбора и свободно преодолевать пограничную ситуацию: в советской действительности взыскующий истины разум находил свой предмет исследования в зоне особого режима.

Если согласиться с мнением, что наша духовность осуществлялась в культуре как словесность, и вспомнить известное выражение Достоевского, что русская литература как великое явление человеколюбия вышла из «Шинели» Гоголя, далее можно представить следующий образный ряд: разделившись на повороте истории, родная речь в трёх несходствующих ипостасях облачилась соответственно в дорожный плащ Бунина, орденский пиджак Фадеева и зябкое пальтишко Платонова. Пройдя через тяжкие испытания и страшные искушения трагического и героического двадцатого века, словесность как совесть, обналиченная словами, вернулась в мир в ватнике Солженицына.

Ватник рождён от нужды и носится по необходимости; это одежда на каждый день. Особенно в тяжёлые времена, когда каждый день если не чёрный, то серый. По мере того как время светлело, в гардеробе обывателя у непрезентабельного ватника стали появляться респектабельные конкуренты. Прежде всего,

драповое пальто — на выход в люди. Но в обыденном обиходе ватник ещё долго оставался на позиции ближе к телу.

Ватник предрасполагает своего носителя к житейской простоте. Человека в ватнике трудно поставить по стойке смирно: в нём всегда будет проглядывать идеологическое разгильдяйство. В недавние времена, когда положено было всем думать одинаково, инакомыслящие носили свои ватники с большим достоинством, чем клеветы режима свои ливреи.

Поэтика ватника — аскетика: ничего лишнего. В ватнике трудно быть снобом. Можете себе представить телогрейку, отделанную позументами или кружевами? А тем более аксельбантами...

Семантика ватника — суровая справедливость: имеет значение лишь то, чего ты стоишь сам по себе, без званий и титулов. Только то достоинство подлинно, которое не теряется с мундиром.

Люди, одетые запросто, ну-троем чувствуют родство с неопределённым множеством простых людей — народом, в котором растворена национальная независимость и государственная суверенность.

Историческая рознь между знатью и чернью с внешней стороны просматривается как вражда между кафтанам и зипунами. Затаённая неприязнь простых людей к непростым сказала в

старинной пословице: лиха беда кафтан нажить.

В Московском государстве царь жаловал бояр, отличившихся служебным рвением, шубой со своего плеча — в порядке особой чести. Шуба, верхний предел роскоши в верхней одежде, могла стоять целое состояние. Мягкая рухлядь, то есть меховая одежда, передавалась по наследству, и каждая дохота до тошно описывалась в духовной (завещании).

В наши дни предметом язвительно-завистливого обсуждения в средствах массовой информации стало шубохранилище одного магната, пристроенное к роскошному дворцу в его подмосковной усадьбе. Правда, сомнительно, чтобы множеством шуб сего государственного мужа пожаловал президент. Скорее, это счастье дано ему по особой божьей милости, — поскольку в том же особняке рядом с гардеробной расположена моленная комната. Видимо, именно за стремление к праведной жизни Бог дал благочестивому чиновнику столько всего, что до Страшного Суда хватит с лихвой...

Презрение знати к черни метафорически выражалось как отношение шёлка к сермяге. Человеческое содержание, облачённое в шелка, как бы обладало особой ценностью, а обряженное в сермягу таковой не имело. Барин мужика полагал существом низшей породы, по природной

сообразительности превосходящим тягловый скот, но по благородству натуры уступающим породистой лошади. Новое барство примерно также относится к тем, кто позволяет им жить по-барски. К рабочей силе, закреплённой рыночной экономикой. К обезличенной массе социальных аутсайдеров, окреплённой апологетами новорусского порядка дискриминирующим прозвищем ватников.

Что-то очень не так в российском государстве... В теории открытого общества, которой вроде бы следует либеральное правительство, утверждается постулат об объединительной роли рыночной экономики, а в практике капиталистического строительства усиливается и увеличивается социальное расслоение. На одном краю пропасти, разделившей русский мир, стоят роскошные особняки больших бояр, обобравших страну, а на другом неблагоустроенные общежития тружеников, обустроивающих Россию. Некоторое количество людей в собольих шубах и неопределённое множество людей в одёжках на рыбьем меху сходятся вместе разве что в демографической статистике, в графе — общее число жителей.

В разное время жизни мне, так или иначе, приходилось заниматься неквалифицированным физическим трудом — по своей охоте или по житейской нужде. Социализм предоставлял рядовому интеллигенту множество

возможностей почувствовать себя плечом к плечу с трудовым народом. Сказать, что я радовался каждому случаю сменить пиджак на ватник, было бы ораторским фарисейством. Не шибко крепкому телом и не слишком сильному духом, вкалывать по-чёрному мне было тяжело. Но, в общем и целом, я не жалею о том, что довелось почувствовать тяжесть жизни на своих плечах. Ибо была в тех трудных днях, когда я отработывал свой хлеб в поте лица своего, неопределимая и несомненная правда, которая утоляет тоску разума по смыслу лучше, чем радужные иллюзии праздного времени.

Как сказал один видный деятель эпохи Просвещения, стиль — это человек. Очень точное замечание, — притом многозначительное.

Манера одеваться так или иначе обусловлена стилем жизни. Когда одежда в установленном порядке обнаруживает (обналичивает) идентичность данного индивида, человек в несвойственном ему облачении ощущает, что он пребывает не в своём облики. Если не по Сеньке кафтан, несчастный Сенька чувствует себя ряженым. Во всяком случае, не равным самому себе, но притворяющимся тем, кем нужно казаться.

Вероятно, я не сделал карьеры потому, что не любил носить галстуки и гладить брюки. А человек, находящийся при исполнении в незастёгнутой рубашке

и не отглаженных штанах, не вызывает у начальства доверия. Несоблюдение дресс-кода есть отклонение от регламента, в конечном счёте ведущее к нарушению режима.

В гениальном фильме Георгия Данелия — грустном гротеске «Кин-дза-дза» — продвинутый инопланетянин так объясняет землянам, неискушённым в специфике внеземных цивилизаций, общую причину всех социальных кризисов: когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели. А когда нет цели, нет будущего. Если воспользоваться терминологией, предложенной сценаристами, можно сказать, что согласно неписаной таблицы о рангах нашим чатланам (читай — начальникам) вместо малиновых штанов положены пиджаки, а пацакам (то есть кацапам, людям социально неполноценным) взамен жёлтых штанов надлежит ходить в ватниках, — и тогда сразу будет видно, кто перед кем должен приседать. Главное, чтобы стремления людей были мотивированы и стимулированы желанием повысить свой социальный статус — с жёлтого до малинового, с малинового до голубого. И так далее, по радужному спектру.

Тем, кто достигает высшего уровня, дающего право ходить в любых штанах или, если

захочется, вообще без штанов, становится мучительно ясно, что жизнь потрачена зря, — но высшего уровня достигают очень немногие.

Символической стороной социальных отношений пренебрегать опасно. А ещё опаснее злоупотреблять символикой, свойственной иерархии ценностей. Бог весть, как может вывернуться порядок вещей, в котором значения подменяются понятиями. Форма одежды в отрыве от содержания способна вводить в заблуждение. Таким образом, семантика одежды может быть использована для утверждения лжи.

На ярмарке тщеславия, где встречаются по одежке и принимают по наряду, общественная жизнь последовательно сводится к маскараду. Информационное пространство заполняют волки в овечьих шкурах, вороны в павлиньих перьях, аферисты в парадных мундирах, дураки в академических мантиях, грешники в белых одеждах, циники в златотканых ризах... Who is Who? Кто есть кто? Бог весть.

Господи Боже, сделавший одежды Адаму и Еве! — может, было бы лучше, если бы Ты пустил их по миру голыми? — как сотворил и вразумил... Правда, сотворил хорошо, а вразумил не очень.